

— Дер... дерзость! — взвизгнул ближний евнух, судорожно прижимая к груди роскошное императорское одеяние. — Как смеешь ты не склоняться пред Императрицей?! Стража, взять нечестивца!

С глухим шумом в залу ворвалась стража. Сюй Нуо спокойно созерцал величие этого древнего дворца: резные светильники, утопающий в золоте просторный зал, застывших в благоговейном трепете придворных. Так вот какая она — легендарная Императрица.

Этот мир не имел ничего общего с его прежней жизнью. Да и к тому же он давно умер. Те, кто остался в былой реальности, навсегда стерлись из его настоящего, лишившись с ним всякой связи.

От утонченного юноши не исходило ни малейшей угрозы. Он не искал чужой гибели, но и сам, казалось, ничуть не страшился чужой злобы. Сюй Нуо разглядывал убранство с чистым, почти младенческим любопытством.

Вэнь Цайэр слегка покачала головой и жестом приказала вооруженным стражникам удалиться.

— Как твое имя? — спросила она.

Голос ее прозвучал столь мягко, что она сама внутренне изумилась этой нежности.

Тот же драгоценный наряд, те же тонкие, безупречные черты лица... Но какая пропасть разделяла их судьбы! Одна была его земной матерью, другая — владычицей великого государства Чжуцзуэ, царящей на недостижимой высоте.

В следующее мгновение взгляд Сюй Нуо приковала к себе темная тень, сотканная за ее спиной. Юноша медленно двинулся вперед.

"К членам императорской семьи запрещено приближаться без дозволения — неужели он не знает столь простых приличий?"

Вэнь Цайэр легким движением ладони остановила собиравшегося закричать евнуха. Неужели этот отрок действительно не ведает страха? Или он так твердо уверен, что она не причинит ему зла?

— У вас за спиной кто-то есть, — тихо произнес юноша в белых одеждах. В его голосе скользнуло легкое изумление.

Ближний слуга побледнел от ужаса. Подобная дерзость в присутствии Императрицы была неслыханной! В задних покоях дворца пуще огня боялись любых толков о призраках и суевериях. Вспылила Императрица гневом, нечестивца могли казнить прямо на месте, и никто

бы не посмел сказать слова против.

Вэнь Цайэр невольно отступила на шаг. Ее величественный голос зазвенел сталью, когда она обратилась к слугам:

— Ступайте прочь. Все до единого. А ты встань у дверей и никого не впускай без моего личного указа!

Тронный зал вмиг опустел, показавшись огромным и холодным. Пламя свечей робко подрагивало, наполняя пространство сладковатым ароматом благовоний, смешанным с тяжелым запахом воска. Юноша вновь обрел бесстрастное выражение лица. Он смотрел на Императрицу чистыми, точно родниковая вода, глазами, и воздух вокруг него, казалось, сделался осязаемо густым.

— Ты говоришь... у меня за спиной... кто-то есть? — запинаясь, выдавила Вэнь Цайэр. Посмотреть назад она так и не решилась.

— Женщина, — ответил Сюй Нуо.

Он пристально глядел на темный сгусток, который прямо на глазах обретал очертания человеческой фигуры. Словно почувствовав на себе взгляд Мастера Инь-Ян, призрак перестал беззвучно рыдать и медленно поднял голову. Сквозь туман проступили тонкие черты лица — на вид гостье было не больше двадцати лет. Она была бы миловидна, если бы не глубокие следы горьких слез, которые она проливала здесь долгие годы. Облаченная в нежно-розовое платье, она съежилась и крепко прижималась к спине Вэнь Цайэр, обвивая ее плечи призрачными руками.

"Значит, я все еще способен видеть сокрытое от людских глаз... В Божественном Свитке об этом не говорилось ни слова. Быть может, даже после смерти душа мастера Инь-Ян не теряет своей силы и обязана нести бремя проводника?"

— Какая она? — спросила Вэнь Цайэр. Голос ее осип, в горле застрял сухой ком.

"Не может быть... Это невозможно!"

Жизнь в императорском дворце полна интриг, заговоров и коварства. Рано или поздно приходится пачкать руки. Но если бы Вэнь Цайэр заставили искренне покаяться в грехах, она признала бы лишь одно злодеяние. На ее совести лежал тяжкий грех перед одной-единственной душой.

Сюй Нуо заметил, как она задрожала. Он мягким движением налил из стоявшего на столике чайника теплой воды и протянул ей чашку.

— На ней розовое платье, а лоб украшает мейхуа — макияж в виде цветка сливы.

Раздался звонкий стук.

Чашка выскользнула из онемевших пальцев Императрицы и разлетелась вдребезги о каменные плиты. За дверью послышался встревоженный шорох слуг.

— Все в порядке! — поспешно крикнула Вэнь Цайэр, преодолевая панику. — Я просто уронила чашку. Не входить!

И тут же зашлась в сухом, мучительном кашле.

Услышав слова юноши, призрак женщины посмотрела на него умоляюще, со слезами на глазах.

В зале вновь воцарилась мертвая тишина. Вэнь Цайэр прижала к губам шелковый платок, ее плечи мелко дрожали. Разве такое возможно? Да, ее годами терзали кошмары, а здоровье угасало день за днем, но она списывала это на усталость и дворцовые заботы. Ей и в голову не приходило верить в сказки о духах. Неужели покойная действительно все это время была рядом? Неужели она несла это невидимое бремя целых двадцать лет? Ледяной холод поднялся из глубин души Императрицы, сковав ее тело.

Чертами лица Императрица смутно напоминала Сюй Нуо его земную мать. Ему захотелось подойти и легонько похлопать ее по спине, чтобы унять дрожь, но, поколебавшись, он опустил руку. Сейчас этот жест сострадания выглядел бы неуместно.

— Ты... ты действительно видишь меня? — раздался едва различимый шепот.

Сюй Нуо удивленно моргнул. Голос призрака напоминал шелест сухой листвы на ветру — тихий и ускользающий.

Юноша едва заметно кивнул и мысленно спросил:

"Почему ты привязана к ней?"

— Я и сама не знаю, — прошелестела женщина. — Почти сразу после смерти меня потянуло к ней. С тех пор я крепко держусь за ее плечи и не могу отпустить...

Сюй Нуо незаметно протянул руку вперед, прощупывая потоки энергии. Воздух вокруг призрака был пропитан тяжелой, удушливой обидой, державшей душу мертвой в невидимых тисках. Юноша замер. В памяти его всплыли обрывки древних заклинаний из Божественного Свитка. На мгновение задумавшись, он спросил:

"Какое неоконченное дело держит тебя подле нее? Назови свое желание"

— Я не могу оставить моего сына, Мэнхэ...

— Но мертвые бессильны перед законами бытия, — печально произнес Сюй Нуо. — Даже если твое сердце разрывается от тоски, ты ничего не можешь изменить.

Перед его мысленным взором предстал Чжао Тяньи. Разве сам Сюй Нуо перед кончиной не пытался из последних сил начертать на бумаге его имя? Но судьба безжалостна к чужой привязанности. Те, кто ушел за черту, должны уйти навсегда, оставив живых справляться со своей скорбью в одиночку.

Юноша услышал тихий, прерывистый стук зубов и вышел из задумчивости. Он вспомнил, что в зале они не одни.

Вэнь Цайэр сжалась на троне, в ее прекрасных глазах застыл неподдельный ужас. Плотный слой белил и румян не мог скрыть смертельной бледности кожи, а былая царственная осанка сменилась жалкой дрожью. Вновь вспомнив свою мать, Сюй Нуо мягко произнес:

— Не бойтесь ее. Мертвые не могут причинить вреда живым.

Вэнь Цайэр уставилась на юношу. Его тихая, едва заметная грусть обезоруживала — Императрица не нашла в себе сил произнести ни слова.

— Да, мертвые бессильны... — Призрак женщины снова тихо зарыдал, и этот плач разрывал душу. — Но я лишь хотела поговорить со своим сыном. Двадцать долгих лет я не могу обнять его, не знаю, как он живет... Я так тоскую по нему...

Сюй Нуо грустно улыбнулся. Материнское сердце везде одинаково. Его собственные родители расстались, когда ему исполнилось двенадцать. Каждый из них поспешил завести новую семью, родить новых детей. Сюй Нуо исправно получал огромные суммы на содержание, но годами не видел ни отца, ни матери. Ему некому было доверить свои печали и радости.

Эта женщина провела два десятилетия бесплотной тенью за чужой спиной только ради того, чтобы каждый день видеть своего ребенка. Вся ее загробная жизнь свелась к одной безумной надежде — хотя бы раз поговорить с ним. Сюй Нуо почувствовал, как в груди шевельнулось искреннее желание помочь угасшей душе.

Мир живых и мир мертвых полны тайн, которые куда запутаннее, чем кажется на первый взгляд.

Спустя время, равное горению одной ароматической палочки, Вэнь Цайэр покинула дворец Цинчи. Придворные дамы бережно поддерживали ее под руки.

Императрица шла, не смея оглянуться. Этот юноша в белых одеждах, с виду такой невинный и кроткий, одной лишь брошенной вскользь фразой едва не заставил ее сердце остановиться от ужаса.

Ей до сих пор виделся его образ в полумраке залы: приглушенный свет свечей, опущенные ресницы, задумчивый взгляд. Он слушал невидимого собеседника с таким глубоким вниманием, словно перед ним разворачивалось предание глубокой старины. Сама же Вэнь Цайэр к концу беседы взмокла от холодного пота, а шелковый платок, который она сжимала в кулаке под широким рукавом пурпурного одеяния, стал совсем влажным.

Прошло много времени, прежде чем Сюй Нуо поднял на нее глаза и спокойно произнес:

— Ее могила осквернена, а останки похищены. Без них душа не может переродиться и уйти в мир иной. На вашей одежде или вещах остался прах покойной, поэтому ее дух привязался к вашему телу.

От этих слов Императрицу пробрал могильный холод. Тайны прошлого, похороненные, казалось, навечно, безжалостно выставили на свет. Сердце заныло так невыносимо, словно его медленно пилили ржавым клинком.

"Что сокрыто во тьме, рано или поздно явится миру... От этого греха мне не откупиться"

Тени вековых деревьев причудливыми узорами ложились на тускло освещенную дворцовую тропу. Евнух поспешно расправил тяжелую парчовую накидку и набросил ее на плечи госпожи, но тепло так и не вернулось к ней. С ночного неба безмолвно повалили крупные хлопья снега. Небесный дар, опустившись на раскрытую ладонь, обжег ее пальцы чистым, ледящим холодом.

— Матушка! — раздался звонкий голос.

Лин Цзюмо, возвращавшийся в свои покои, столкнулся с ней на перекрестке дорожек. Он с тревогой взгляделся в ее осунувшееся, мертвенно-бледное лицо.

— Вам нездоровится? Почему на вас нет лица?

Вэнь Цайэр через силу улыбнулась и покачала головой:

— Все хорошо, дитя мое. Уже поздно, ступай отдыхать.

Она позволила сыну проводить ее на несколько шагов, но затем осторожно высвободила локоть из его рук и негромко добавила:

— Насчет того юноши... Если у тебя нет к нему важного дела, держись от него как можно дальше. Не стоит испытывать судьбу.

Ступив за порог обители, Вэнь Цайэр подозвала к себе верного слугу и едва слышно прошептала:

— Те слуги, что были в зале во время нашей беседы... Избавься от них. Они не должны заговорить.

Евнух без лишних слов склонил голову в знак повиновения и бесшумно растворился в темноте.

Отдав жестокий приказ, Императрица посмотрела на свою ладонь. На коже таяла одинокая снежинка, превращаясь в крошечную каплю чистой воды. Когда-то давно и ее собственная душа была такой же безгрешной и прозрачной.

Лин Цзюмо долго смотрел им вслед. В груди его крепло смутное, тревожное предчувствие. Он не сомневался: Сюй Нуо только что открыл его матери некую страшную тайну.

<http://bllate.org/book/20483/2135307>